

СБЫВШАЯСЯ ФАНТАЗИЯ ЛЮБОГО
СКУЧАЮЩЕГО ШКОЛЬНИКА!

INDEPENDENT
ON SUNDAY

АЛЕКС РАЙДЕР

ОСТРОВ СКЕЛЕТА

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Энтони Горовиц

Остров Скелета

Серия «Алекс Райдер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67163573

Э. Горовиц. Остров Скелета: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2022

ISBN 978-5-04-165327-9

Аннотация

Алекс Райдер многое пережил за свои четырнадцать лет. Его преследовали международные преступники, он спускался с горы на самодельном сноуборде и смотрел злу прямо в глаза.

Но теперь Алекс столкнулся с чем-то ещё более опасным. Отчаянием человека, который потерял всё, что ему было дорого: свою страну и своего единственного сына. Преступником, заполучившим доступ к мощному оружию и готовым принести любую жертву ради достижения целей. Алексу Райдеру предстоит отправиться в отпуск под прикрытием на потрясающе красивый остров Скелета, расположенный по соседству с Кубой. Но выберется ли он оттуда живым?

Содержание

Во тьме	5
Матчбол	20
Кровь и клубника	36
Криббер	53
Две недели на солнце	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Энтони Горовиц

Остров Скелета

Anthony Horowitz
Skeleton Key

© 2002 by Anthony Horowitz

© Захаров А. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Во тьме

На острове Скелета темнело очень быстро.

Солнце немного повисело над горизонтом и нырнуло вниз. В небе тут же появились облака – сначала красные, потом лиловые, серебристые, зелёные и чёрные, словно все цвета мира стекались в огромный плавильный котёл. Одинокая птица-фрегат парила над мангровым лесом; яркий цвет её перьев был незаметен на фоне небесного хаоса. В неподвижном воздухе пахло приближающимся дождём. Собиралась гроза.

Одномоторная «Сессна-Скайхок-SP» сделала два круга, прежде чем приземлиться. На такой самолёт в этой части мира и внимания никто не обратит – поэтому его и выбрали. Если бы кто-нибудь решил глянуть на регистрационный номер под крылом, то узнал бы, что этот самолёт принадлежит фотографической компании с Ямайки. Это, конечно же, была неправда. Компании с таким названием не существовало, да и для аэрофотосъёмки уже слишком темно.

В кабине сидели три человека – тёмнокожие, одетые в выцветшие джинсы и рубашки свободного покроя. У пилота были длинные чёрные волосы и тёмно-карие глаза, по щеке тянулся тонкий шрам. С пассажирами он познакомился лишь этим утром. Они представились Карло и Марком, но он сомневался, что это их настоящие имена. Он знал, что их

путешествие началось давно, где-то в Восточной Европе. Он знал, что должен доставить их в пункт назначения. А ещё он знал, что они везут. Собственно, он уже знал слишком много.

Пилот посмотрел на multifunctional дисплей на панели управления. Компьютерный экран с яркой подсветкой предупреждал его о надвигающейся грозе. Пилота это нисколько не беспокоило. Тучи и дождь обеспечат отличное укрытие. Во время грозы военные не так внимательны. Тем не менее он всё равно нервничал. Он много раз летал на Кубу, но вот сюда – никогда. И сегодня предпочёл бы быть где угодно, только не здесь.

Кайо-Эскелето. Остров Скелета.

Остров вытянулся перед ним – тридцать восемь километров в длину и девять в самом широком месте. Море, ещё несколько минут назад потрясающего голубого цвета, вдруг потемнело, словно кто-то нажал невидимый переключатель. На западе виднелись огни Пуэрто-Мадре, второго по величине городка на острове. Главный аэропорт располагался севернее, в столице острова – Сантьяго. Но пилот направил самолёт вовсе не туда. Он нажал на рычаг управления, и самолёт свернул вправо, делая круг над лесом и мангровыми болотами, окружавшими старый заброшенный аэродром в южной оконечности острова.

На «Сессне» стоял термографический сканер, как на американских спутниках-шпионах. Пилот щёлкнул тумблером

и посмотрел на дисплей. Там появились несколько крохотных красных точек – птицы. В болоте пульсировали точки побольше: крокодилы или, может быть, ламантины. И ещё одна точка – метрах в двадцати от взлётной полосы. Пилот повернулся к тому, кто назвал себя Карло, но оказалось, что в этом нет необходимости. Карло уже смотрел на экран через его плечо.

Карло кивнул. Их ждал всего один человек, как и договаривались. Если бы в радиусе нескольких сот метров от аэродрома прятался хоть кто-то ещё, они бы это увидели. Теперь можно спокойно приземляться.

Пилот выглянул через стекло кабины. Взлётная полоса представляла собой неровный узкий участок земли возле берега, который вырубili прямо в лесу параллельно морю. В сумеречном свете он бы ни за что не заметил аэродрома, если бы не два ряда электрических ламп, обозначающих место приземления.

«Сессна» пошла на посадку. В последнюю минуту её обдало внезапным шквалом, который словно послали специально, чтобы потрепать пилоту нервы. Пилот даже не моргнул; через мгновение колёса коснулись земли, и самолёт покатился, вздрагивая и подпрыгивая, точно посередине между двумя рядами огоньков. Хорошо, что они здесь есть. Мангры – густые кусты, практически плавающие в заболоченной воде – подходили почти к самому краю взлётной полосы. Достаточно свернуть всего на пару метров в неверном направ-

лении, и колесо застрянет – а потом погибнет и весь самолёт.

Пилот щёлкнул несколькими переключателями. Двигатель отключился, и двухлопастные пропеллеры постепенно остановились. Он выглянул из окна. Рядом с одним из зданий стоял джип, и там, в машине, их ждал тот самый человек, которого обозначала красная точка на дисплее. Пилот повернулся к пассажирам.

– Он на месте.

Старший из двоих кивнул. Кудрявому и черноволосому Карло было лет тридцать. Он уже несколько дней не брился, и на подбородке пробивалась щетина цвета сигаретного пепла. Карло повернулся к другому пассажиру со словами:

– Марк, готов?

Тот, кто называл себя Марк, вполне мог сойти за младшего брата Карло. Ему было от силы лет двадцать пять, и хотя он и пытался скрывать страх, получалось не очень хорошо. Выступивший на его виске пот светился зелёным цветом, отражённым от панели управления. Из заднего кармана он извлёк пистолет – немецкий 10-миллиметровый автоматический «Глок». Проверив, заряжен ли он, Марк заткнул пистолет за пояс под рубашкой.

– Готов, – сказал он.

– Он один. А нас двое, – Карло попытался подбодрить Марка. А может быть – и себя. – Мы оба вооружены. Он ничего не сможет сделать.

– Тогда пойдём.

Карло повернулся к пилоту.

– Подготовься к взлёту, – приказал он. – Когда мы пойдём обратно, я дам тебе сигнал. – Он поднял руку, сложив большой и указательный пальцы буквой «О». – Сигнал будет обозначать, что наша сделка успешно завершена. Сразу же запускай двигатель. Мы не хотим здесь находиться ни секундой дольше, чем необходимо.

Двое выбрались из самолёта. Взлётная полоса была посыпана тонким слоем гравия, и он хрустел под их армейскими ботинками, пока они шли к дверце грузового отделения. В воздухе чувствовалась тяжёлая липкая жара, ночное небо словно давило на них. Казалось, весь остров затаил дыхание. Карло протянул руку и открыл дверь. В хвосте самолёта стоял чёрный контейнер размером примерно метр на два. Они с Марком не без труда опустили его на землю.

Марк поднял голову. Огни на взлётной полосе слепили глаза, но он всё же сумел разглядеть силуэт человека, который стоял неподвижно, как статуя, возле джипа и ждал, когда они подойдут. Он не двигался с места с тех пор, как приземлился самолёт.

– Почему он не идёт к нам? – спросил Марк.

Карло в ответ лишь сплюнул.

На контейнере с обеих сторон были ручки. Они взялись за них и неловким шагом пошли вперёд, сгибаясь от тяжести. До джипа пришлось идти довольно долго, но в конце концов они всё же добрались до машины и снова поставили контей-

нер на землю.

Карло выпрямился и вытер руки о джинсы.

– Добрый вечер, генерал, – сказал он по-английски. Ни для него, ни для генерала этот язык родным не был, но он был единственным, который знали оба.

– Добрый вечер. – Генерал даже не стал обращаться к ним по именам, зная, что они всё равно вымышленные. – Добрались сюда без проблем?

– Никаких проблем, генерал.

– Привезли товар?

– Один килограмм оружейного урана. Достаточно, чтобы сделать бомбу, которая может уничтожить целый город. Мне даже интересно, какой город у вас в планах.

Генерал Алексей Саров шагнул вперёд, и его осветили яркие лампы взлётной полосы. Он не был великаном, но вся его фигура излучала власть и силу. До сих пор было заметно, что он много лет отдал армии – по его коротко стриженным седым волосам, внимательным голубым глазам, почти бесстрастному лицу, безупречной выправке. Он выглядел ослабленным, но в то же время настороженным. Генералу Сарову было шестьдесят два года, но выглядел он лет на двадцать моложе. Он был одет в тёмный костюм, белую рубашку с узким тёмно-синим галстуком. На улице было так влажно и жарко, что его одежда уже давно должна была измяться, а сам он – истекать потом. Но по нему казалось, что он буквально только что вышел из комнаты с кондиционером.

Он присел возле контейнера и достал из кармана маленькое устройство, напоминавшее автомобильный прикуриватель с циферблатом. Нащупав разъем в корпусе контейнера, генерал вставил в него устройство и бросил взгляд на циферблат. Кивнул – показатели его устроили.

– Остальные деньги у вас? – спросил Карло.

– Конечно.

Генерал выпрямился и прошёл к джипу. Карло и Марк напряглись – как раз сейчас он мог достать пистолет. Но, когда он обернулся, в его руках оказался всего лишь чёрный кожаный дипломат. Генерал щёлкнул замками и открыл его. Дипломат был заполнен банкнотами: стодолларовыми купюрами, аккуратно сложенными стопками по пятьдесят. Всего таких стопок было сто. Полмиллиона долларов. Больше денег, чем Карло видел за свою жизнь.

Но всё равно мало.

– У нас проблема, – сказал Карло.

– Да? – Саров, похоже, даже не удивился.

По щеке Марка медленно стекала струйка пота. Возле уха зудел комар, но он изо всех сил сдерживался, чтобы не прибить его. Марк ждал этого момента. Он стоял в нескольких шагах от генерала, держа руки по бокам. Он медленно потянулся к поясу, туда, где спрятал оружие. Он посмотрел на разрушенные здания. Одно из них, судя по всему, когда-то служило диспетчерской вышкой. Другое – пунктом досмотра грузов. Оба здания были совершенно пусты; кирпичная

кладка осыпалась, окна разбиты. Мог ли там кто-то прятаться? Нет. Если бы это было не так, термографический сканер сразу бы это показал. Они одни.

– Цена на уран. – Карло пожал плечами. – Наш друг из Майами очень извиняется, но по всему миру сейчас устанавливают новые системы безопасности. Провозить контрабанду, особенно такую, стало намного сложнее. А это означает дополнительные расходы.

– И какие же дополнительные расходы?

– Четверть миллиона долларов.

– Как неприятно.

– Неприятно *для вас*, генерал. Оплатить их должны вы.

Саров задумался.

– У нас был договор, – сказал он.

– Наш друг из Майами надеялся, что вы поймёте.

Повисло долгое молчание. Марк сунул руку за спину и сжал рукоятку автоматического «Глока». Но потом Саров кивнул и ответил:

– Мне нужно будет найти деньги.

– Можете перевести их на тот же счёт, которым мы пользовались ранее, – ответил Карло. – Но предупреждаю вас, генерал. Если деньги не придут через три дня, американская разведка узнает, что сегодня здесь произошло... и что вы получили. Вы, может быть, и считаете, что находитесь на этом острове в безопасности. Уверяю вас, после этого вы можете забыть о безопасности.

– Вы мне угрожаете, – проговорил Саров. Его голос казался одновременно спокойным и убийственным.

– Ничего личного, – ответил Карло.

Марк достал холщовый мешок, развернул его и высыпал в него деньги из дипломата. В дипломате мог находиться радиопередатчик – а может быть, даже небольшая бомба. Он поставил чемоданчик на землю.

– Доброй ночи, генерал, – сказал Карло.

– Доброй ночи, – улыбнулся Саров. – Удачного полёта.

Торговцы отвернулись и пошли прочь. Пачки денег приятно давили на ногу Марка сквозь мешок.

– Он дурак, – прошептал он, перейдя на родной язык. – Просто старик. Почему мы вообще боялись?

– Давай просто уберёмся отсюда поскорее, – ответил Карло. У него не выходила из головы фраза генерала: «*Удачного полёта*». Он ведь даже улыбнулся, когда это произносил.

Карло подал условный сигнал, соединив большой и указательный пальцы. Двигатель «Сессны» тут же заработал.

Генерал Саров смотрел им вслед. Он по-прежнему не сходил с места – лишь снова сунул руку в карман пиджака. Его пальцы сомкнулись на маленьком радиопередатчике. Он долго думал, нужно ли убивать торговцев и пилота. На самом деле он предпочёл бы этого не делать – даже для подстраховки. Но когда они выдвинули новые требования, это стало необходимостью. Нужно было сразу понять, что они захотят большего. Учитывая, что это за люди, это было предска-

мо.

Карло и Марк тем временем уже сели в самолёт и пристегнулись; пилот готовился к взлёту. Двигатель завёлся, и самолёт начал медленно разворачиваться. Вдалеке слышался рокот грома. Карло подумал, что, наверное, стоило развернуть самолёт сразу после посадки. Это сэкономило бы несколько драгоценных секунд, а ему хотелось как можно скорее улететь отсюда, вернуться в воздух.

«Удачного полёта».

Голос генерала был совершенно бесстрастным. Вполне возможно, пожелание на самом деле было искренним. Но Карло подумалось, что генерал и смертный приговор, наверное, огласил бы точно таким же тоном.

Марк, сидевший рядом с ним, уже пересчитывал деньги, перебирая стопки купюр. Карло оглянулся на разрушенные здания, на стоящий джип. Попытается ли Саров что-то сделать? Какие у него вообще ресурсы есть на этом острове? Но, когда самолёт развернулся, на взлётной полосе больше ничего не двинулось. Генерал по-прежнему стоял на месте. Никого вокруг.

И тут на взлётной полосе погасли огни.

– Что за... – грязно выругался пилот.

Марк перестал считать. Карло тут же понял, «что за» только что произошло.

– Он выключил освещение, – сказал он. – Хочет, чтобы мы остались здесь. Ты можешь взлететь прямо так?

Самолёт уже описал полукруг и стоял носом в ту сторону, откуда прилетел. Пилот посмотрел через лобовое стекло, пытаясь разглядеть в ночи хоть что-нибудь. Уже почти полностью стемнело, но в небе пульсировал какой-то уродливый, неестественный свет. Пилот кивнул.

– Будет нелегко, но...

Огни снова зажглись.

Вот они – тянутся вдаль. Стрела, которая указывает на свободу и дополнительные четверть миллиона прибыли. Пилот расслабился.

– Должно быть, всё из-за грозы, – сказал он. – Электричество ненадолго отключилось.

– Давай просто улетим отсюда, – пробормотал Карло. – Чем скорее мы окажемся в воздухе, тем спокойнее мне будет.

Пилот кивнул.

– Как скажешь.

Он переключил несколько тумблеров, и «Сессна» двинулась вперёд, быстро набирая скорость. Огни мелькали по сторонам, указывая направление. Карло устроился в кресле поудобнее. Марк выглянул в окно.

А потом, за несколько мгновений до того, как колёса должны были оторваться от земли, самолёт вдруг дёрнулся. Весь мир изогнулся, словно гигантская невидимая рука схватила его и резко повернула набок. «Сессна» ехала со скоростью сто пятьдесят километров в час. За несколько секунд она практически полностью остановилась, и всех троих ед-

ва не выбросило из кресел. Если бы они не были пристёгнуты, то вылетели бы прямо через фонарь кабины – точнее, через то, что осталось от разбитого стекла. Затем послышалось несколько оглушительных ударов – что-то врезалось в фюзеляж. Одно крыло опустилось, пропеллер вообще оторвался и улетел куда-то в темноту. Самолёт остался лежать на боку.

Несколько мгновений в кабине никто не двигался. Мотор самолёта затарахтел и умолк. Потом Марк выпрямился в кресле.

– Что случилось?

Он прикусил язык. По его подбородку стекала кровь. Мешок был всё ещё открыт, и пачки денег выбросило ему на колени.

– Не понимаю... – Пилот был слишком ошеломлён, чтобы говорить членораздельно.

– Ты съехал со взлётной полосы!

Лицо Карло было перекошено от гнева и изумления.

– Нет!

– Эй! – Марк показал на что-то дрожащим пальцем. Карло посмотрел в ту сторону. Дверь в нижней части самолёта прогнулась. В щели затекала чёрная вода; под их ногами уже образовалась приличная лужа.

Снова зарокотал гром, на этот раз ближе.

– Это он сделал! – сказал пилот.

– Что он сделал? – крикнул Карло.

– Сдвинул взлётную полосу!

Трюк был очень простым. Пока самолёт разворачивался, Саров отключил огни на взлётной полосе с помощью радиопередатчика в кармане. На какое-то мгновение пилот был дезориентирован, потерялся в темноте. Затем самолёт закончил разворот, и свет снова включился. Но пилот не знал, да и не мог знать, что включилась другая «дорожка» из огней – и эта дорожка уходила в сторону от взлётной полосы, к болоту.

– Он завёл нас в мангровый лес, – проговорил пилот.

Теперь Карло понял, что произошло с самолётом. Их судьба была предрешена в тот самый момент, когда колёса коснулись воды. Лишившись твёрдой опоры, самолёт тут же за что-то зацепился и перевернулся. Болотная вода лилась в пробоину, и они медленно погружались всё глубже. Ветви мангровых деревьев, которые чуть не разорвали самолёт на куски, окружили их, словно живые прутья клетки.

– И что нам делать? – закричал Марк, потом вдруг пискнул, как ребёнок: – Мы утонем!

– Мы можем выбраться!

Карло явно повредил шею из-за резкого торможения. Преодолевая боль, он расстегнул ремень безопасности.

– Не надо было его обманывать! – захныкал Марк. – Ты же знал, что это за человек. Тебе сказали...

– Заткнись!

У Карло тоже был пистолет. Он извлёк его из кобуры под рубашкой и положил на колено.

– Мы вылезем отсюда и разберёмся с ним. А потом как-

нибудь придумаем, как выбраться с этого проклятого острова.

– Тут что-то... – начал пилот.

Снаружи что-то двинулось.

– Что это? – прошептал Марк.

– Тс-с!

Карло приподнялся и попытался развернуться в тесной кабине. Самолёт наклонился и ещё сильнее погрузился в болото. Карло потерял было равновесие, но всё же сумел удержаться. Он протянул руку мимо пилота, собираясь вылезти через разбитый фонарь кабины.

На него бросилось что-то огромное и страшное, закрыв даже те остатки света, что ещё виднелись в ночном небе. Карло вскрикнул от ужаса, когда оно влетело головой вперёд в самолёт и схватило его. Блеснуло белым, потом послышался страшный рёв. Остальные тоже закричали.

Генерал Саров по-прежнему неподвижно стоял и смотрел. Дождь ещё не начался, но воздух был наполнен влагой. Сверкнула молния – хотя нет, даже не сверкнула: она пересекала небо словно бы в замедленном движении, наслаждаясь своим путешествием. В это мгновение Саров увидел лежащую на боку «Сессну», которая уже наполовину погрузилась в болото. Самолёт окружили полдюжину крокодилов. Самый большой из них влез головой в кабину. Снаружи виднелся только хвост, яростно качавшийся из стороны в сторону.

Генерал наклонился и поднял чёрный контейнер. Из само-

лѣта его несли два человека, но вот в руках Сарова он казался лёгким как пѣрышко. Он убрал контейнер в джип, потом отошёл назад. Генерал позволил себе редкое удовольствие – улыбнуться, почувствовать, как губы слегка растягиваются. Завтра, когда крокодилы закончат свой пир, он отправит своих полевых работников – *мачетерос*, – чтобы те забрали банкноты. Хотя ему деньги не то чтобы очень важны. Теперь у него есть килограмм оружейного урана. Как выразился Карло, он теперь может уничтожить маленький город.

Но Саров не собирался уничтожать города.

Его целью был весь мир.

Матчбол

Алекс принял мяч на грудь, ловко обработал его и сильным ударом послал в сетку. А потом увидел человека с большой белой собакой. Стоял тёплый солнечный пятничный день – погода постепенно переходила от поздней весны к раннему лету. Это был всего лишь тренировочный матч, но Алекс относился к нему очень серьёзно. Мистер Уайзмен, учитель физкультуры, включил его в сборную школы, и парень с нетерпением ждал возможности сыграть против других школ на западе Лондона. К сожалению, в его школе, Брукленде, не было своего футбольного поля. Им приходилось тренироваться на общественном поле, и на тренировку мог прийти кто угодно. Даже с собакой.

Алекс тут же узнал этого человека, и сердце у него ушло в пятки. Одновременно он жутко разозлился. Как у него вообще хватило наглости прийти сюда, на школьный стадион, прямо посреди матча? Эти люди что, вообще никогда не оставят его в покое?

Человека с собакой звали Кроули. Редёющие волосы, лицо в красноватых пятнах, старомодная одежда – больше всего он напоминал младшего армейского офицера или, может быть, учителя в какой-нибудь второсортной частной школе. Но Алекс знал правду. Кроули работал на МИ-6. Не то чтобы шпион, но принадлежал к этому миру. Кроули был ме-

неджером в одном из самых секретных офисов страны. Он занимался бумажной работой, обговаривал условия, организовывал встречи. Когда кто-то умирал от ножа в спину или пули в сердце, именно Кроули подписывал все необходимые документы.

Пока Алекс бежал обратно в центральный круг, Кроули прошёл к ближайшей скамейке, таща за собой собаку. Животное не желало идти само, да и вообще ему явно не хотелось здесь находиться. Кроули сел. Через десять минут, когда прозвучал финальный свисток, Кроули по-прежнему сидел на скамейке. Алекс на мгновение задумался, потом взял свою манишку и подошёл к нему.

Кроули притворился, что удивлён встрече.

– Алекс! – воскликнул он. – Какой сюрприз! Не видел тебя с тех пор, как... ну, как ты вернулся из Франции.

Прошло всего четыре недели с тех пор, как МИ-6 заставила Алекса шпионить за школой для детей богачей на юго-востоке Франции. Под вымышленным именем он поступил в академию «Пойнт-Блан»... и попал в плен к сумасшедшему директору, доктору Грифу. За ним гонялись по склону горы, в него стреляли и вообще чуть не вскрыли заживо на уроке биологии. Алекс никогда не хотел стать шпионом, а после этого приключения окончательно убедился в своей правоте. Ему меньше всего на свете хотелось видаться с Кроули.

А вот сотрудник МИ-6 улыбался во весь рот.

– Играешь за сборную школы? Вот, значит, где вы трени-

руетесь? Удивлён, что раньше тебя не видел. Мы с Баркером часто тут гуляем.

– Баркером?

– С моим псом. – Кроули погладил его. – Он далматинец.

– Я думал, далматинцы пятнистые.

– Этот – точно нет. – Кроули явно колебался. – На самом деле, Алекс, мне даже повезло, что я на тебя наткнулся. Можно с тобой немного поговорить?

Алекс покачал головой.

– Забудьте об этом, мистер Кроули. Я уже в прошлый раз всё сказал. Меня не интересует МИ-6. Я просто школьник, а не шпион.

– Именно! – легко согласился Кроули. – Это никак не связано с... м-м-м... организацией. Нет-нет-нет. – Он выглядел даже как-то немного пристыженно. – На самом деле я вот что хотел у тебя спросить... как насчёт посмотреть Уимблдонский турнир из первого ряда?

Этот вопрос застал Алекса врасплох.

– Уимблдонский турнир? Тот самый... теннисный?

– Да, верно. – Кроули улыбнулся. – Всеанглийский лаун-теннисный клуб. Я вхожу в оргкомитет.

– И вы предлагаете мне билет?

– Да.

– В чём подвох?

– Никакого подвоха, Алекс. На самом деле. Но... позволь мне объяснить.

Алекс видел, как остальные игроки собирают вещи. Учебный день практически закончился. Но он остался, решив всё же выслушать Кроули.

– Видишь ли, неделю назад кто-то проник в помещение клуба. Меры безопасности там очень строгие, но кто-то умудрился перелезть через стену и пробраться в Миллениум-билдинг через укреплённое окно.

– Что такое Миллениум-билдинг?

– В этом здании находятся раздевалки игроков. А ещё спортзал, ресторан, пара комнат отдыха и так далее. Там установлена система видеонаблюдения, но незваный гость её отключил – вместе с сигнализацией. Очень профессиональная работа. Мы бы и не узнали, что там кто-то побывал, если бы не удачное стечение обстоятельств. Один из ночных сторожей увидел, как этот человек уходит. Китаец, лет, может быть, двадцать пять...

– Сторож?

– Нет, незваный гость. Одет с головы до ног в чёрное, на спине какой-то рюкзак. Сторож сообщил в полицию, и мы всё обыскали. «Миллениум-билдинг», теннисные корты, кафе... и всё остальное. Понадобилось три дня. Слава богу, в Лондоне сейчас нет активных террористических ячеек, но нельзя было исключать возможности, что какой-нибудь сумасшедший одиночка подложил бомбу. Мы вызвали анти-террористический отряд. С ищейками. Но ничего не нашли! Кто бы это ни был, он исчез, словно растворился в воздухе,

и ничего не оставил.

Но тут вот ещё что странно, Алекс. Он ничего не оставил, но ничего и не *забрал*. Всё осталось нетронутым, как было. Как я уже сказал, если бы ночной сторож не увидел этого парня, мы бы и не узнали, что он там побывал. Что скажешь?

Алекс пожал плечами.

– Может быть, сторож напугал его, и он сбежал, не успев ничего украсть?

– Нет. Когда его увидели, он уже уходил.

– Может быть, сторожу просто привиделось?

– Мы проверили камеры. На плёнке есть временные отметки, и мы обнаружили, что камеры не работали два часа. С полуночи до двух ночи, если быть точным.

– А вы что думаете, мистер Кроули? Зачем вы вообще рассказываете мне об этом?

Кроули вздохнул и вытянул ноги. Он был обут в потрёпанные замшевые ботинки со стоптанными пятками. Пёс уже успел уснуть.

– Я считаю, что кто-то собирается саботировать Уимблдонский турнир, – сказал он. Алекс уже собирался перебить его, но Кроули поднял руку. – Да, звучит смешотворно, и, признаюсь, другие члены комитета мне не поверили. С другой стороны, у них нет моего чутья. Они не работают там, где работаю я. Но сам посуди, Алекс. У такого тщательно спланированного и выполненного проникновения со зломом должна быть конкретная причина. Но её *нет*. Здесь что-

то не так.

– Зачем кому-то саботировать Уимблдон?

– Не знаю. Но не забывай, что две недели Уимблдонского турнира – это огромный бизнес. На кону стоят миллионы фунтов. Один только призовой фонд – восемь с половиной миллионов. А есть ведь ещё права на телетрансляцию, продажи атрибутики, корпоративное спонсорство... Со всей планеты слетаются важные персоны, от кинозвёзд до президентов, а билеты на финал мужского турнира продаются и перепродаются за тысячи фунтов. Это не просто игра. Это событие мирового масштаба, и если там что-то случится... лучше об этом долго не думать.

Кроули, впрочем, явно об этом думал подолгу. Он выглядел усталым. В глубине его взгляда пряталось беспокойство.

Алекс ненадолго задумался.

– Вы хотите, чтобы я там осмотрелся. – Он улыбнулся. – Я никогда не бывал на Уимблдонском турнире, только по телевизору видел. Я, конечно, не откажусь от билета на лучшие места. Но я не пойму, чем может помочь мой однодневный визит.

– Именно, Алекс. Но я планировал для тебя вовсе не однодневный визит.

– Продолжайте.

– Видишь ли, я хотел спросить, не хочешь ли ты стать болбоем¹?

---

¹ Болбои (от *англ.* ballboy) – дети, которые во время матча приносят и подают

– Вы же не серьёзно?

– А почему нет? Ты можешь работать там все две недели. Замечательно проведёшь время, побываешь прямо в гуще событий. Увидишь несколько великолепных матчей. А я смогу немного расслабиться, зная, что ты где-то рядом. Если что-то произойдёт, вполне возможно, ты сможешь это заметить. А потом позвонишь мне, и я разберусь.

Кроули кивнул. Похоже, если не Алекса, то, по крайней мере, самого себя ему убедить удалось.

– Здесь нет никакой опасности или ещё чего-то такого. Это же... ну, Уимблдон. Там будет много других мальчишек и девчонок. Ну, что думаешь?

– У вас разве недостаточно охранников?

– Конечно же, у нас есть охранная компания. Но охранников легко заметить – а значит, легко и держаться от них подальше. А вот ты будешь невидим, Алекс. В этом-то и весь смысл.

– Алекс?... – позвал мистер Уайзмен. Учитель ждал только его. Остальные ребята уже ушли, не считая двоих-троих, которые перепасовывали друг другу мяч в углу поля.

– Минутку, сэр, – ответил Алекс.

Учитель физкультуры насторожился. Видеть, как один из учеников говорит с человеком в старомодном пиджаке и галстуке в полоску, было довольно странно. Но, с другой сторо-

---

мячи. Востребованы в футболе и теннисе. – *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

ны, этот ученик – Алекс Райдер, и уже вся школа знает, что с ним что-то не так. Дважды за последнее время он долго отсутствовал в школе, причём оба раза – без нормальных объяснений, а когда мальчик в прошлый раз вернулся, всё научное крыло школы сгорело при странных обстоятельствах. В конце концов мистер Уайзмен решил не обращать на происходящее внимания. Алекс может за себя постоять. По крайней мере, учитель на это надеялся.

– Не задерживайся слишком надолго! – сказал он.

Мистер Уайзмен ушёл, и Алекс остался с глазу на глаз с Кроули.

Алекс раздумывал над тем, что только что услышал. В глубине души он не доверял Кроули. Неужели это просто совпадение – то, что он именно сейчас проходил мимо этого поля и увидел, как Алекс играет в футбол? Вряд ли. В мире МИ-6, где всё запланировано и просчитано, совпадений не бывает. В том числе и поэтому Алекс их ненавидел. Они уже дважды его использовали, и оба раза им было по большому счёту наплевать, умрёт он или выживет; главное – чтобы он принёс пользу. Кроули был частью этого мира, и Алекс ненавидел его так же сильно.

Но, с другой стороны, сказал он себе, возможно, он слишком себя накручивает. Кроули не просит его тайком пробраться в иностранное посольство, высадиться с парашютом в Ираке или сделать хоть что-то ещё опасное. Ему предлагают провести две недели на Уимблдонском турнире, и всё.

Вот так просто. Он посмотрит теннис и – если особенно не повезёт – увидит кого-нибудь, кто пытается обокрасть Лаун-теннисный клуб. Что может пойти не так?

– Хорошо, мистер Кроули, – наконец ответил он. – Почему бы и нет.

– Отлично, Алекс. Я обо всём договорюсь. Пойдём, Баркер!

Алекс глянул на пса и увидел, что тот как раз проснулся. Пёс смотрел на него розовыми, налитыми кровью глазами. Предупреждение? Пёс знает что-то, чего не знает он?

Но потом Кроули дёрнул за поводок и, прежде чем пёс успел выдать хоть одну тайну своего хозяина, поспешно увёл его.

Через шесть недель Алекс стоял на Центральном корте, одетый в тёмно-зелёные и сиреневые цвета Всеанглийского Лаун-теннисного клуба. Начинался последний матч первого раунда. Один из двух игроков, сидевших буквально в нескольких сантиметрах от него, пойдёт дальше по основной сетке турнира и получит шанс выиграть главный приз – больше миллиона фунтов. Второй же поедет домой на первом автобусе. Лишь сейчас, стоя на коленях рядом с сеткой в ожидании подачи, Алекс по-настоящему понял, что же такое Уимблдонский турнир и почему он занимает такое почётное место в мировом спортивном календаре. Равных ему соревнований просто нет.

Алекса окружали трибуны огромного стадиона; ряды из тысяч зрителей уходили всё выше и в конце концов исчезали где-то в тени на вершине. Лица болельщиков разглядеть было очень сложно. Их было слишком много, и они казались бесконечно далёкими. Но Алекс чувствовал, как волнуется толпа, когда теннисисты расходятся по сторонам корта; идеально подстриженная трава, казалось, светится под их ногами. Послышались аплодисменты, эхом уходящие вверх, а потом вдруг наступила тишина. Фотографы нависали, подобно грифам-стервятникам, над огромными телеобъективами, а под ними, в углублениях под зелёными крышами, вращались телекамеры, готовясь показать первую подачу. Теннисисты стояли лицом друг к другу – два игрока, которых вела к этому моменту вся жизнь и чьё будущее в этой игре решится в следующие несколько минут. Всё было так по-английски – трава, клубника, соломенные шляпы. Но было в этом состязании и что-то кровавое и смертоносное, что-то от гладиаторской битвы.

– Леди и джентльмены, пожалуйста, соблюдайте тишину... – раздался в громкоговорителях голос судьи, и затем первый теннисист выполнил подачу.

Французу Жаку Лефевру было двадцать два года, он играл на Уимблдоне впервые. Никто не ожидал, что он даже пройдёт квалификацию. Его соперником был Эрнст Блиц, один из фаворитов сезона. Но Блиц уже проиграл два предыдущих сета, а в третьем счёт был 5:2 не в его пользу. Алекс

смотрел, как он ждёт подачу, балансируя на подушечках стоп. Лефевр подал, мяч пронёсся над сеткой и ударился о корт близ центральной линии. Эйс².

– Пятнадцать: ноль.

Алекс сидел достаточно близко, чтобы увидеть, что немец уже смирился с поражением. В этом и заключалась жестокость игры, её психология. Стоит упасть духом, и потеряешь всё. Именно это и случилось с Блицем. Алекс практически по запаху чувствовал его обречённость. Когда он шёл на другую сторону корта, чтобы принять следующую подачу, всё его тело казалось тяжёлым, словно он тратил все силы просто на то, чтобы не упасть. Проиграл он и эту подачу, и следующую. Алекс перебежал через корт, подхватил мячик и почти в последний момент успел откатить его другому болбою, сидевшему слева. Хотя необходимости в этом, судя по всему, уже не было. Следующая подача обещала стать последней в матче.

И в самом деле, Лефевру удалось подать ещё один эйс, и он упал на колени, торжествуя сжимая кулаки. Уимблдонский корт уже не одну сотню раз видел эту позу; зрители, как и положено, поднялись со своих мест и зааплодировали. Но матч вышел не самым удачным. Блиц должен был выиграть. Ну, или, по крайней мере, не проиграть в трёх сетах. Он был просто в ужасной форме, и молодой француз его разгромил.

---

² В теннисе – подача «навывлет», которую не смог отбить соперник.

Алекс собрал последние мячи и покатил их в дальний угол. Потом он встал по стойке «смирно», пока теннисисты пожимали руки сначала друг другу, потом судьё. Блиц прошёл в его сторону и начал складывать сумку. Алекс внимательно разглядывал его лицо. Немец был ошеломлён, словно до сих пор не мог поверить в произошедшее. Собрав вещи, он в последний раз помахал рукой зрителям и ушёл в раздевалку. Лефевр всё ещё давал автографы болельщикам из первого ряда. О Блице уже все забыли.

– Матч был очень плохим, – сказал Алекс. – Не знаю, что случилось с Блицем. Он половину игры будто во сне ходил.

Прошёл час. Алекс сидел за столом в «Комплексе» – подземном помещении с несколькими комнатами, расположенном под офисом главного судьи на Центральном корте. Именно здесь двести мальчиков и девочек, работавших на турнире, обедали, переодевались и отдыхали. Он пил чай с ещё двумя мальчиками и одной девочкой. За время, проведённое на турнире, он успел подружиться с этой девочкой – настолько близко, что она даже пригласила Алекса после Уимблдона поехать в Корнуолл с её семьёй. У неё были тёмные волосы и ярко-синие глаза, а лицо усыпано веснушками. А ещё она очень быстро бегала и в целом была в отличной форме. Она училась в католической школе в Уимблдоне, а её отец был журналистом, освещавшим бизнес и текущие события, но несмотря на всё это, её трудно было назвать серьёз-

ной. Она обожала шутки, чем грубее, тем лучше, и Алекс был совершенно уверен, что её смех слышен даже на девятнадцатом корте. Её звали Сабина Плэжер.

– Это печально, – ответила Сабина. – Но мне нравится Лефевр. Он милый. Да и не сильно старше меня.

– На семь лет, – напомнил ей Алекс.

– Да в наши дни это вообще не разница. Ладно, так или иначе, я завтра работаю на Центральном корте. И за игрой вряд ли получится следить.

Алекс улыбнулся. Сабина ему нравилась, несмотря на её странное увлечение мужчинами старше её. Сейчас он уже был рад, что принял предложение Кроули.

– Главное – следи, чтобы у тебя мячики не вывалились, – сказал он.

– Райдер!

Громкий голос перекрыл шум в столовой; из одного из кабинетов вышел невысокий, сурового вида человек. То был Уолли Уолфор, бывший сержант британских ВВС, отвечавший на турнире за мальчиков и девочек, подающих мячи.

– Да, сэр?

Алекс четыре недели проходил подготовку под началом Уолфора и решил, что на самом деле он вовсе не такой монстр, каким притворяется.

– Мне нужен дежурный. Возражения есть?

– Нет, сэр. Я готов.

Алекс допил чай и встал. Он не без радости заметил, как

при этом погрузстнела Сабина.

Дежурный должен ждать возле офиса главного судьи на случай, если тот отлучится на один из кортов или куда-нибудь ещё по турнирным делам. На самом деле Алексу даже нравилось сидеть на улице под ярким солнцем и смотреть на зрителей. Он отнёс поднос обратно к прилавку и уже собирался уходить, но тут кое-что заметил и остановился как вкопанный.

В углу комнаты стоял охранник и говорил по телефону-автомату. В этом ничего странного не было. У входа в «Комплекс» всегда стояли охранники, и иногда они заходили внутрь, чтобы выпить стакан воды или воспользоваться туалетом. Этот охранник говорил быстро и взволнованно, его глаза блестели, словно он сообщал какие-то важные новости. Услышать, что он говорит, в общем шуме было, конечно, невозможно, но Алекс всё равно подошёл на несколько шагов, надеясь, что до него донесутся хотя бы отдельные слова. Тогда-то он и заметил татуировку. В большом зале собралась целая толпа мальчиков и девочек, работавших на турнире, а повара за прилавком без усталости готовили, так что в помещении было жарко. Охранник снял куртку и остался в рубашке с короткими рукавами. На его руке, там, где заканчивалась ткань, виднелся большой красный круг. Алекс никогда не видел ничего подобного. Самый обычный, ничем не украшенный круг. Ни надписей, ни других рисунков. Что он может означать?

Охранник вдруг обернулся и увидел, что на него смотрит Алекс. Всё произошло очень быстро, и Алекс даже разозлился на себя за беспечность. Говорить охранник не перестал, но повернулся так, чтобы Алекс больше не видел руку с табуировкой, и закрыл её свободной ладонью. Алекс улыбнулся ему и жестом показал, что ждёт, пока освободится телефон. Охранник пробормотал ещё несколько слов и повесил трубку, затем надел куртку и ушёл. Алекс дождался, пока тот не поднимется обратно наверх по лестнице, и последовал за ним. Охранник исчез. Алекс присел на скамейку возле офиса главного судьи и задумался.

Телефонный разговор в людной столовой. Так, мелочь. Но странным было другое: Алекс видел этого охранника чуть ранее, примерно за час до начала матча Блица с Лефевром. Алекса отправили в Миллениум-билдинг, чтобы отнести ракетку другому теннисисту, и показали, как дойти до комнаты отдыха игроков. Поднявшись по лестнице, которая вела из главного холла, он оказался в большом зале с телевизионными мониторами с одной стороны и компьютерными терминалами с другой; между ними стояли диваны яркого красно-синего цвета. Он понимал, что попасть сюда – уже огромная честь. Это приватное помещение. На диванах Алекс увидел двоих или троих известных игроков, смотревших чужие матчи по телевизору. Тут же был и Эрнст Блиц – он наливал себе в пластиковый стаканчик холодную минеральную воду из кулера у дальней стены.

А ещё там был тот самый охранник – стоял возле лестницы, осторожно оглядываясь. Он смотрел на Блица и одновременно беседовал по мобильному телефону. По крайней мере, так всё выглядело. Но Алекс уже тогда заметил нечто странное: охранник держал телефон у уха, но не разговаривал – он не сводил глаз с Блица. Немецкий теннисист выпил воду и отошёл от кулера; через несколько секунд ушёл и охранник.

Что он вообще делал в Миллениум-билдинг? Это был первый вопрос, который задал себе Алекс, устроившись поудобнее на солнце и прислушиваясь к далёкому стуку мячей и аплодисментам невидимой толпы. Второй вопрос казался ещё более загадочным. Если у охранника есть мобильный телефон и несколько часов назад он работал, зачем ему тогда звонить по телефону-автомату в «Комплексе»? Конечно, может быть, у него просто села батарейка... Но даже если и так, зачем звонить именно здесь? Наверху, в клубе, телефон можно найти почти где угодно. Получается, он не хотел, чтобы его видели?

И почему у него на руке вытатуирован красный круг? Охранник не хотел, чтобы кто-то увидел этот кружок. Алекс был совершенно уверен, что он хотел его закрыть.

И, наконец, было и ещё кое-что. Возможно, это просто совпадение, но охранник, как и тот человек, который незаметно пробрался во Всеанглийский Лаун-теннисный клуб несколько недель назад, был китайцем.

Кровь и клубника

Алекс не собирался целенаправленно следить за охранником, но в следующие несколько дней ещё пару раз случайно сталкивался с ним. Один раз Алекс увидел, как тот обыскивает сумки зрителей у пятого входа, в другой раз он объяснял пожилой паре, как пройти на нужный корт.

К сожалению, всё время за ним следить не получалось. Это был главный недостаток плана Кроули. Из-за того, что Алекс работал болбоем, ему почти весь день приходилось проводить на Центральном корте. Мальчики и девочки, подававшие мячи, работали посменно, два часа через два. В лучшем случае он мог шпионить лишь в перерывах. А выходя на корт, Алекс вообще забывал и об охраннике, и о телефоне, и обо всей этой истории с проникновением и взломом – его внимание было полностью поглощено игрой.

Но через два дня после того, как Блиц покинул Уимблдон, Алекс снова занялся наблюдением за охранником. До дневного матча оставалось примерно полчаса, и Алекс уже собирался пойти в «Комплекс» и немного отдохнуть, но тут увидел, как охранник снова входит в Миллениум-билдинг. Это на самом деле уже само по себе странно. В этом здании есть своя охрана. Без пропусков туда никто войти не может. Что же он там делает? Алекс посмотрел на часы. Если он опоздает, то Уолфор наорёт на него и, может быть, даже поста-

вит работать на какой-нибудь неинтересный матч на одном из дальних кортов. Но время ещё есть. И, надо признать, у Алекса разыгралось любопытство.

Алекс прошёл в Миллениум-билдинг. Как и всегда, никто не задавал ему вопросов – формы болбоя было вполне достаточно. Он поднялся по лестнице и прошёл через комнату отдыха теннисистов в ресторан. Охранник действительно был там. Он снова держал в руке мобильный телефон, но даже не звонил. Он просто стоял и наблюдал за обедавшими игроками и журналистами.

Обеденный зал был большим, современной конструкции – с длинным прилавком для горячей еды; в центре стояли салаты, холодные напитки и фрукты. За столами сидели примерно человек сто, и Алекс даже узнал пару знаменитых лиц. Он украдкой взглянул на охранника. Тот стоял в углу, стараясь оставаться незамеченным, и не сводил глаз со столика возле окна. Алекс посмотрел туда же. За тем столиком сидели двое. Один был одет в пиджак и галстук, другой – в спортивный костюм. Первого человека Алекс не знал, а вот вторым был американец Оуэн Брайант, ещё один теннисист мирового класса. Его матч должен был состояться днём.

Собеседник Брайанта, должно быть, был его менеджером или агентом. Они о чём-то разговаривали – тихо, но напряжённо. Менеджер что-то сказал, и Брайант рассмеялся. Алекс прошёл дальше в ресторан, держась у стены. Он хотел узнать, что собирается делать охранник, но так, чтобы его

самого не заметили. Хорошо, что в ресторане довольнолюдно, и посетители, ходящие туда-сюда, закрывают его собой.

Брайант встал. Алекс заметил, как нахмурился охранник. Он поднёс мобильный телефон к уху, но не набрал никакого номера. Брайант подошёл к кулеру и взял из пластикового цилиндра стаканчик. Охранник нажал какую-то кнопку на телефоне. Брайант налил себе немного воды. Алекс увидел, как внутри огромной пластиковой бутылки поднялся пузырик воздуха. Теннисист подошёл обратно к столу и сел. Менеджер что-то сказал. Брайант выпил воду. И всё. Алекс увидел всё, что произошло.

Но что *именно* он увидел?

Времени искать ответ на этот вопрос уже не оставалось. Охранник уже направлялся к выходу. Алекс наконец принял решение. Входная дверь ресторана находилась между ним и охранником, и он поспешил к ней, опустив голову и притворившись, что не разбирает дороги. Расчёт времени получился идеальным. Алекс врезался в охранника в тот самый момент, когда тот проходил в дверь. Беспечно взмахнув рукой, он задел руку охранника, и мобильный телефон упал на пол.

– Ой... извините, – протянул Алекс. Прежде чем охранник успел его остановить, мальчик наклонился и поднял телефон. Взвесив его в руке, Алекс протянул аппарат владельцу.

– Вот, пожалуйста, – сказал он.

Охранник ничего не ответил. На мгновение он задержал

взгляд на Алексе, и чёрные зрачки, казавшиеся абсолютно безжизненными, словно пронзили его насквозь. Бледное, совершенно бесстрастное лицо охранника было усыпано оспинами, на верхней губе блестела капелька пота. Он резко вырвал телефон у Алекса и ушёл, захлопнув за собой дверь.

Рука Алекса всё ещё висела в воздухе. Он посмотрел на свою ладонь. Алекс боялся, что выдал себя, но ему всё-таки удалось кое-что узнать. Мобильный телефон был подделкой. Он слишком лёгкий. На экране ничего нет. И никакого узнаваемого логотипа: Apple, Samsung, Nokia... ничего.

Алекс снова повернулся к столику Брайанта. Теннисист уже допил воду и смял стаканчик в руках. Он пожал руку другу и встал, собираясь уходить.

Вода...

Алексу пришла в голову идея, которая казалась совершенно абсурдной, но, судя по тому, что он увидел, была даже в чём-то логичной. Он снова прошёл внутрь ресторана и присел возле кулера. Такие аппараты были расставлены по всему теннисному клубу. Он взял стаканчик и нажал его краешком на кран. В стаканчик налилась отфильтрованная и охлаждённая вода. Алекс почувствовал кожей ладони ледяной холод.

– Что, чёрт побери, ты здесь делаешь?

Алекс поднял голову и увидел, что над ним возвышается какой-то человек с багровым лицом, одетый в пиджак цветов Уимблдона. То было первое недружелюбное лицо, которое он увидел с тех пор, как приехал сюда.

– Я просто хотел выпить немного воды, – объяснил он.

– Это очевидно. Я имел в виду другое: что ты делаешь в этом ресторане? Он только для теннисистов, официальных лиц и прессы.

– Я знаю, – ответил Алекс, отчаянно пытаюсь не сорваться. Он на самом деле не имел права здесь находиться, и если этот человек – кем бы он ни был – пожалуется руководству, то Алекс может потерять свою работу болбая.

– Простите, сэр, – добавил он. – Я принёс ракетку мистеру Брайанту, вот только что. Но мне очень хотелось пить, и я налил себе воды.

Работник клуба явно смягчился. Рассказ Алекса звучал вполне правдоподобно, да и, опять же, ему понравилось, что Алекс назвал его «сэр».

– Хорошо. Но чтобы больше я тебя здесь не видел. – Мужчина кивнул, протянул руку и забрал пластиковый стаканчик. – А теперь уходи.

Алекс вернулся в «Комплекс» минут за десять до начала матча. Уолфор свирепо посмотрел на него, но ничего не сказал.

В тот день Оуэн Брайант проиграл Жаку Лефевру, тому же неизвестному французу, который неожиданно обыграл Эрнста Блица два дня назад. Общий счёт – 6:4, 6:7, 4:6, 2:6. Брайант сумел выиграть первый сет, но затем начал играть всё хуже и хуже. Ещё один сюрприз. Как и Блиц, Брайант считался одним из фаворитов турнира.

Через двадцать минут Алекс вернулся в рестораничик в подвале и сел за столик с Сабиной; та пила диетическую колу.

– Сегодня приехали мои мама и папа, – сказала она. – Я сумела достать им билеты, а за это они обещали купить мне новую доску для сёрфинга. Ты когда-нибудь занимался сёрфингом, Алекс?

– Что? – Мысли Алекса были где-то далеко.

– Я говорю про Корнуолл. Сёрфинг...

– Да, я катался на доске. – Алекс учился вместе со своим дядей, Яном Райдером. Шпионом, гибель которого так резко изменила жизнь Алекса. Они вдвоём провели целую неделю в Сан-Диего. Это было несколько лет назад. Хотя сейчас мальчику иногда казалось, что прошло уже несколько веков.

– С твоей банкой что-то не так? – спросила Сабина.

Алекс понял, что держит банку с колой на ладони перед собой, внимательно её разглядывая. Но на самом деле он думал о воде.

– Нет, всё нормально... – начал он.

А потом уголком глаза увидел охранника, который снова спустился по лестнице в «Комплекс» и направился к телефону в углу. Там он достал монетку и набрал номер.

– Сейчас вернусь, – сказал Алекс.

Он встал и прошёл к телефону. Охранник стоял спиной к нему. На этот раз он сможет даже подойти достаточно близ-

ко, чтобы расслышать разговор.

– ...завершится полным успехом.

Охранник говорил по-английски, но с сильным акцентом. Он по-прежнему стоял спиной к Алексу. Немного помолчав, он продолжил:

– Я встречу с ним сейчас. Да... прямо сейчас. Он отдаст всё мне, а я потом передам вам.

Снова пауза. Алекс понял, что разговор вот-вот закончится, и отошёл на несколько шагов назад.

– Мне надо идти, – сказал охранник. – До свидания.

Он положил трубку и ушёл от телефона-автомата.

– Алекс?.. – позвала его Сабина. Она по-прежнему сидела за столиком одна. Алекс понял, что она, скорее всего, увидела, что он сделал. Он поднял руку и помахал ей. Придётся потом как-нибудь объяснить ей всё произошедшее.

Охранник не пошёл обратно наверх. Вместо этого он вышел через дверь, ведущую в длинный подземный коридор. Алекс последовал за ним.

Всеанглийский Лаун-теннисный клуб занимал обширную территорию. Снаружи он чем-то напоминал парк развлечений, только посвящённый теме тенниса. Тысячи людей непрерывным потоком из ярко-белых рубашек, тёмных очков и соломенных шляп ходили по тропинкам и крытым дорожкам, соединявшим корты, чайные комнаты и кафе, рестораны, магазины и палатки с атрибутикой, билетные кассы и будки охранников.

Но под всем этим великолепием располагается ещё один мир, скрытый от посторонних глаз. Здания клуба соединены между собой подземным лабиринтом коридоров, туннелей и дорог – некоторые из них настолько широки, что по ним может проехать автомобиль. Даже на поверхности легко потеряться, а уж под ней – тем более. Указателей очень мало, да и стюардов, которые всегда подскажут, куда нужно идти, тоже нет. Это мир поваров и официантов, мусорщиков и курьеров. Каким-то образом им удаётся во всём этом ориентироваться – выходить на свет божий именно там, где нужно, а потом снова исчезать.

Коридор, в котором оказался Алекс, назывался «Королевским трактом». Он соединял Миллениум-билдинг с Первым кортом – теннисисты ходят по нему на матчи, оставаясь незамеченными. В коридоре, выстланном ярко-голубым ковром, было тихо и пусто. Охранник шёл метрах в двадцати впереди Алекса; внезапно оказавшись в одиночестве, мальчик даже немного испугался. Кроме них, в коридоре никого не было. Над ними, на поверхности, туда-сюда сновали целые толпы, наслаждаясь солнцем. Алекс очень обрадовался ковро – он приглушал звуки шагов. Охранник, похоже, очень торопился. Он до сих пор не остановился и даже не обернулся.

Охранник дошёл до деревянной двери с надписью ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ и, не останавливаясь, прошёл в неё. Алекс, немного подождав, последовал за ним. Обстановка резко изменилась: бетонный коридор с отметками жёлтым

строительным скотчем, над головой – широкие вентиляционные трубы. В воздухе пахло бензином и мусором; Алекс понял, что это так называемая «Дорога багги», транспортная артерия, которая огибает кругом весь клуб. Мимо него прошли двое подростков в зелёных фартуках и джинсах, толкавших перед собой пластиковые мусорные контейнеры. В другую сторону шла официантка с подносом, полным грязных тарелок. Охранника нигде не было видно, и на мгновение Алексу показалось, что он вообще упустил его. Но затем он увидел размытый силуэт, исчезнувший за прозрачными пластиковыми лентами, которые свисали с потолка. Разглядев форму охранника, Алекс поспешно пошёл следом.

Пройдя за занавеску, Алекс сразу понял две вещи. Он вообще не знал, где оказался – и он здесь совсем один.

Он стоял в изогнутой подземной комнате, напоминавшей по форме банан; крышу поддерживали бетонные колонны. Помещение напоминало подземную стоянку, и действительно рядом с мостками, на которых он сейчас стоял, были припаркованы три или четыре автомобиля. Но бо́льшую часть места занимал мусор: пустые картонные коробки, деревянные поддоны, ржавая бетономешалка, обломки старых заборов, сломанные кофейные автоматы, отправленные доживать свой век на мокром бетонном полу. В комнате неприятно пахло; Алекс слышал режущий уши визг, похожий на звук, издаваемый циркулярной пилой, из машины по уплотнению мусора, стоявшей где-то неподалёку. Тем не менее

эту же комнату использовали для хранения еды и напитков. Здесь стояли пивные бочки, сотни бутылок с газировкой, газовые баллоны и с десятков огромных белых холодильников с надписью «РЕФРИЖЕРАТОРЫ РОЛЛИНГС».

Алекс посмотрел наверх. Крыша уходила наискосок вверх, и её форма что-то напоминала. Конечно же! Наклонные трибуны вокруг Первого корта! Вот где он оказался – в погрузочном зале под теннисным кортом. Настоящее чрево Уимблдона. Сюда привозят все припасы, здесь же выбрасывают весь мусор. И прямо сейчас всего в нескольких метрах над его головой сидели десять тысяч человек, наслаждаясь очередным матчем и даже не подозревая, что всё, что они съели за день, пришло отсюда и уходит обратно сюда.

Но куда же делся охранник? Зачем этот человек сюда пришёл и с кем собирается встречаться? Алекс осторожно зашагал вперёд, по-прежнему остро ощущая одиночество. Он стоял на приподнятой платформе, по периметру которой огромными жёлтыми буквами тянулась надпись ОПАСНО. Ему не нужно было повторять дважды. Алекс нашёл лестницу и спустился вниз, на один уровень с холодильниками. Он прошёл мимо газовых баллонов со сжатым углекислым газом, даже не представляя, зачем они здесь. Если подумать, то причины появления как минимум половины вещей в этой комнате были довольно загадочны.

Сейчас он был уже почти уверен, что охранник просто исчез. Зачем ему вообще здесь с кем-то встречаться? Впервые

с тех пор, как Алекс покинул «Комплекс», он прокрутил в голове подслушанный телефонный разговор.

«Я встречаюсь с ним сейчас. Да... прямо сейчас. Он отдаст мне всё...»

Фразы казались до смешного фальшивыми, словно из какого-то плохого триллера. Алекс понял это, осознал, что его обманули... И тут послышался громкий рёв, и из тени вынырнул тёмный силуэт. Алекс стоял посреди бетонного пола, на открытом пространстве. Охранник сидел за рулём автопогрузчика; металлические штыри подъёмника торчали, словно рога огромного быка – только сердцем этого быка, несущегося прямо на него, служил электродвигатель с напряжением 48 вольт, а вместо копыт у него были пневматические шины. Алекс посмотрел наверх и увидел целую дюжину тяжёлых деревянных поддонов, балансирующих над кабиной. Потом – улыбку охранника, блеск кривых зубов на уродливом лице. Погрузчик преодолел расстояние между ними с невероятной быстротой, а затем вдруг резко затормозил, когда охранник ударил по тормозам. Алекс закричал и отпрыгнул в сторону. Поддоны по инерции соскользнули с подъёмника и с грохотом рухнули на пол. Они раздавили бы Алекса, если бы не пивные бочки. Ряд бочек принял на себя весь вес поддонов, оставив маленькое треугольное укрытие. Алекс слышал треск дерева в нескольких сантиметрах над своей головой. На шею и спину посыпались щепки. От пыли и грязи было почти нечем дышать, но он выжил. Кашляя, напо-

ловину ослеплённый, он пополз вперёд; автопогрузчик тем временем дал задний ход и приготовился к новому нападению.

Как вообще можно было быть таким глупым? Охранник уже видел его в «Комплексе», когда в первый раз звонил по телефону. Алекс стоял, таращился на татуировку на его руке и считал, что форма болбоя его защитит. А потом, в Миллениум-билдинг, Алекс неуклюже врезался в него, чтобы ощупать его мобильный телефон. Конечно же, охранник уже знает, кто он такой и что делает. Неважно, что Алекс просто подросток. Он опасен, и его нужно устранить.

И он расставил ловушку, настолько очевидную, что она не обманула бы даже... ну да, школьника. Алексу, конечно, очень хотелось считать себя таким супершпионом, который уже два раза спас весь мир, но это всё глупости. Охранник притворился, что звонит по телефону, и хитростью заставил мальчика последовать за ним в эту пустую комнату. А теперь он его убьёт. Если Алекс умрёт, уже будет неважно, кто он такой и что успел узнать.

Хватая ртом воздух и борясь с тошнотой, Алекс кое-как поднялся на ноги. Автопогрузчик снова понёсся на него. Алекс бросился бежать. Охранник, с трудом втиснувшийся в маленькую кабинку, выглядел почти комично. Но вот машина, которую он вёл, была быстрой, мощной и невероятно маневренной – она могла сделать полный разворот буквально на пяточке. Алекс попытался изменить направление,

бросившись в сторону. Погрузчик повернулся и последовал за ним. Доберётся ли он до приподнятой платформы? Нет. Алекс понимал, что до неё слишком далеко.

Охранник нажал какую-то кнопку. Металлические штыри вздрогнули и опустились ниже, напоминая уже не рога, а два меча, которые мог бы, наверное, держать средневековый рыцарь из чьего-нибудь кошмарного сна. Куда отпрыгнуть – влево или вправо? Алекс едва успел принять решение, прежде чем погрузчик нагнал его. Он прыгнул вправо и покатился по бетонному полу. Охранник повернул руль, и машина снова легко развернулась. Алекс изогнулся, и тяжёлые колёса пронеслись буквально в сантиметре от него, а потом врезались в одну из колонн.

Наступила тишина. Алекс поднялся, у него кружилась голова. На мгновение он понадеялся, что после столкновения охранник потерял сознание, но потом у него похолодело в животе – охранник выбрался из кабины, стряхивая пыль с рукава куртки. Он шёл медленно и уверенно, понимая, что полностью контролирует ситуацию. И Алекс сразу понял почему. Охранник инстинктивно встал в стойку мастера рукопашного боя: ступни чуть врозь, центр тяжести в нижней части тела. Он сжал кулаки, ожидая возможности нанести удар, и по-прежнему улыбался. Перед ним был всего лишь беззащитный мальчик, к тому же утомлённый бегством от автопгрузчика.

Охранник внезапно закричал и бросился вперёд, реб-

ром правой ладони целясь Алексу в горло. Попади он, Алекс погиб бы на месте. Но в последнюю секунду мальчик успел вскинуть кулаки и скрестить руки, заблокировав удар. Охранник явно этого не ожидал, и Алекс, воспользовавшись его замешательством, нанёс удар правой ногой, надеясь попасть в пах. Но охранника уже не было на прежнем месте – он отскочил в сторону, и в этот самый момент Алекс понял, что ему противостоит боец, который сильнее, быстрее и опытнее его, и у него нет никаких шансов.

Охранник нанёс удар с разворота, и на этот раз тыльная сторона его ладони попала Алексу в скулу. Алекс услышал треск; удар был такой силы, что на мгновение ослепил его. Он отшатнулся назад и упёрся в металлическую поверхность – дверь одного из холодильников. Ему удалось как-то ухватиться за ручку, и, когда он качнулся вперёд, дверь открылась. Шею и голову обдало холодом – возможно, именно это оживило Алекса и придало ему сил. Он прыгнул вперёд и увернулся от сильнейшего удара ногой, направленного в шею.

Положение было безвыходным, и Алекс отлично это понимал. Из носа текла кровь. Он чувствовал тёплую струйку уголком губы. Голова кружилась, а перед глазами мелькали огоньки, словно кто-то светил на него мощной лампой. А вот у охранника даже дыхание не сбилось. Алекс впервые задумался, на что же случайно наткнулся. Что может быть для этого человека настолько важно, что он готов хладно-

кровно убить четырнадцатилетнего мальчика, даже не задавая вопросов? Алекс вытер кровь с губы и проклял Кроули, который подошёл к нему на футбольном поле, а потом – себя за то, что послушал Кроули. Первый ряд на Уимблдонском турнире? Сейчас ему светят скорее задворки Уимблдонского кладбища.

Охранник шёл к нему. Алекс напрягся, потом отскочил в сторону, уворачиваясь от смертоносного двойного удара ногой и кулаком. Он приземлился возле переполненного мусорного ведра. Собрав все силы, швырнул ведро вперёд и улыбнулся, когда оно врезалось в охранника, осыпав его гниющими остатками еды. Тот выругался и пошатнулся. Алекс забежал за холодильник, чтобы хоть немного перевести дыхание и подумать, как отсюда выбраться.

На это у него было лишь несколько секунд. Он знал, что охранник уже идёт за ним и на этот раз точно доведёт дело до конца. Церемониться он точно больше не станет. Алекс посмотрел налево, потом направо. Увидев газовые баллоны, он вытащил один из проволочного каркаса. Баллон, казалось, весил целую тонну, но Алекс уже был в отчаянии. Он повернул кран и услышал шипение газа. А затем, держа баллон обеими руками перед собой, шагнул вперёд. В этот момент из-за холодильника вышел его недавний противник. Напрягая последние силы, Алекс бросился вперёд и ткнул баллоном ему в лицо. Газ брызнул в глаза охраннику, ненадолго ослепив. Алекс с силой опустил баллон, потом снова поднял.

Металлический корпус ударил в голову охранника, чуть выше носа. Алекс вздрогнул, ощутив удар прочной стали по кости. Мужчина пошатнулся. Алекс снова шагнул вперёд и на этот раз замахнулся баллоном как битой для крикета, с невероятной силой ударив врага по шее и плечам. У того не было ни единого шанса. Даже не вскрикнув, он отлетел в сторону, приземлившись прямо в открытый холодильник.

Алекс бросил баллон на пол и застонал. Руки болели, словно кто-то вывернул их из суставов. Голова всё ещё кружилась, а нос, возможно, был сломан. Хромая, он дошёл до двери холодильника.

За дверью была занавеска из пластиковых лент, а за ней – целая гора картонных коробок, полных клубники. Алекс не смог сдержать улыбки. Клубника со сливками – одна из величайших традиций Уимблдона; её продают по сумасшедшим ценам в киосках и ресторанах наверху. А здесь ягоды хранятся. Охранник приземлился прямо посреди холодильника, раздавив несколько ящиков. Он лежал без сознания, погребённый под одеялом из клубники, а под головой лежала ярко-красная подушка из ягод. Алекс стоял в дверях, опираясь на косяк, чтобы не упасть, и вдыхал холодный воздух. Рядом он увидел термостат. Снаружи было жарко, а вот клубнику нужно поддерживать охлаждённой.

Он в последний раз посмотрел на человека, который пытался его убить.

– Вот отморозок, – сказал он.

А потом повернул ручку термостата, установив температуру ниже нуля.

Пусть проморозится.

Алекс закрыл дверь и, хромая, отошёл от холодильника.

Криббер

Инженеру понадобилось лишь несколько минут, чтобы разобрать кулер. Сунув руку внутрь, он осторожно извлёк маленькую стеклянную пробирку из клубка проводов и печатных плат.

– Встроено в фильтр, – сказал он. – Тут ещё и система кранов. Очень изобретательно.

Он передал пробирку строгой на вид женщине, и та посмотрела её на просвет, изучая содержимое. Пробирка была наполнена прозрачной жидкостью. Женщина встряхнула пробирку, капнула несколько капель себе на палец, принялась и нахмурилась.

– Либриум. Наркотик. Та ещё гадость, – объявила она рубленым бесстрастным голосом. – Одна ложка вас вырубит. А вот пара капель... выведет из равновесия. Вы будете немного не в себе.

Ресторан, да и весь Миллениум-билдинг, этим вечером закрыли. Кроме инженера в зале были ещё трое мужчин. Один из них – Джон Кроули, другой – полицейский в офицерской форме, третий – седой и серьёзный, с галстуком в цветах Уимблдона. Алекс Райдер сидел в стороне, уставший, чувствуя, что ему вообще здесь не место. Никто, кроме Кроули, не знал, что он работает на МИ-6. Все остальные считали его простым болбоем, который случайно наткнулся на

правду.

На Алексе была его собственная одежда. Позвонив Кроули, он принял душ и переоделся, оставив форму болбая в шкафчике. Почему-то он понял, что больше её уже не надеет. Тем не менее ему было интересно, можно ли будет оставить себе шорты, футболку и кроссовки «Хай-Тек» с вышитыми на язычках перекрещёнными ракетками. Форма – это единственная плата, которую получают мальчики и девочки, подающие мячи на Уимблдонском турнире.

– Теперь совершенно ясно, что произошло, – сказал Кроули. – Помните, сэр Норман, меня очень беспокоило то проникновение со взломом? – Он обращался к пожилому мужчине в клубном галстуке. – Похоже, я оказался прав. Тот человек не хотел ничего украсть. Он пришёл, чтобы отравить воду в кулерах. В ресторане, в комнате отдыха, скорее всего, вообще по всему зданию. Удалённая активация... верно всё, Хендерсон?

Хендерсоном звали человека, который разобрал кулер. Ещё один сотрудник МИ-6.

– Верно, сэр, – ответил он. – Кулер работал совершенно нормально, выдавал обычную охлаждённую воду. Но когда подавали радиосигнал – это делал наш друг, используя поддельный мобильный телефон, – в воду попадало несколько миллилитров этого наркотика, либриума. Недостаточно, чтобы найти в крови при допинг-тесте, но достаточно, чтобы заставить кого угодно играть намного хуже.

Алекс вспомнил, как Блиц, немецкий теннисист, уходил с корта после проигранного матча. Он выглядел ошеломлённым и рассеянным. Но оказалось, что это всё из-за наркотика.

– Он прозрачный, – добавила женщина. – И практически не имеет вкуса. В стаканчике с ледяной водой его бы никто не заметил.

– Всё равно не понимаю, – вставил сэр Норман. – Какой в этом смысл?

– Пожалуй, на этот вопрос смогу ответить я, – сказал полицейский. – Как вы знаете, охранник отказывается отвечать на вопросы, но татуировка на его руке говорит, что он член «Большого Круга» – или, по крайней мере, был им.

– Это что ещё такое? – удивился сэр Норман.

– Триада, сэр. Китайская банда. Триады, конечно, занимаются самой разной преступной деятельностью. Наркотики. Торговля людьми. Нелегальная иммиграция. А ещё – азартные игры. Мне кажется, эта операция была связана именно с ними. Как и на любое другое большое соревнование, на результаты Уимблдонского турнира ставят миллионы фунтов. Насколько я понимаю, на победу того молодого француза – Лефевра – ставки принимались из расчёта триста к одному.

– Но потом он обыграл Блица и Брайанта, – сказал Кроули.

– Именно. Я уверен, что сам Лефевр даже не догадывался, в чём дело. Но если всем его противникам давали наркотик

перед выходом на корт... Ну, дважды это случилось. Но могло продолжиться вплоть до финала. «Большой Круг» ждал невиданный успех! Если бы они поставили на француза сто тысяч фунтов, то получили бы триста миллионов.

Сэр Норман поднялся.

– Сейчас важно одно: об этом никто не должен знать, – сказал он. – Иначе будет скандал на всю страну, и это навредит нашей репутации. Не исключено, что весь турнир придётся проводить заново!

Он посмотрел на Алекса, но обращался к Кроули.

– Мы можем доверять этому мальчику? Он ничего не расскажет? – спросил он.

– Я никому не скажу, что здесь произошло, – сказал Алекс.

– Хорошо. Отлично.

Полицейский кивнул.

– Ты проделал очень хорошую работу, – сказал он. – Сначала заметил этого парня, потом проследил за ним, ну, и всё остальное. Хотя должен сказать, что запира́ть его в холодильнике было крайне безответственно.

– Он попытался меня убить, – возразил Алекс.

– Всё равно! Он мог замёрзнуть насмерть. Собственно говоря, ему, возможно, придётся удалить пару пальцев из-за обморожения.

– Надеюсь, он от этого не станет хуже играть в теннис.

– Ну, не знаю... – Полицейский кашлянул. Он явно не мог

понять, как вести себя с Алексом. – Ладно, ты молодец. Но в следующий раз всё-таки попробуй обдумывать свои действия. Я уверен, ты не хотел бы, чтобы кто-нибудь пострадал!

Да пусть катятся они все к чёрту!

Алекс смотрел на освещённые серебристой луной чёрные волны, которые снова и снова накатывали на изогнутый берег пляжа Фистраль. Он пытался забыть и о полицейском, и о сэре Нормане, и вообще об Уимблдонском турнире. Алекс, по сути, спас весь Всеанглийский Лаун-теннисный клуб, и хотя он и не ожидал, что за это его наградят сезонным абонементом в королевскую ложу и чаепитием с герцогиней Кентской, но не ожидал и того, что его настолько поспешно выдворят с турнира. Финал он смотрел уже по телевизору. По крайней мере, форму болбая ему всё-таки отдали.

Впрочем, было и ещё кое-что хорошее: Сабина не забыла о своём приглашении.

Он стоял на веранде домика, арендованного её родителями. Пожалуй, в любом другом месте этот домик выглядел бы крайне уродливо, но вот на край скалы, возвышавшейся над побережьем Корнуолла, вписался идеально. Старомодный, квадратный, отчасти кирпичный, отчасти из отбелённого дерева. В нём было пять комнат, три лестницы и слишком много дверей. Небольшой сад был скорее мёртв, чем жив – его постоянно обдавало солёной водой. Дом назывался Брукс-

Лип³, хотя никто из местных не знал, кто такой Брук, куда и зачем он прыгнул и выжил ли после этого. Алекс пробыл здесь уже три дня, а пригласили его на целую неделю.

За спиной послышались звуки. Открылась дверь, и на веранду вышла Сабина Плэжер, одетая в плотный махровый халат. В руках она несла два стакана. На улице было тепло. В день, когда Алекс приехал, шёл дождь – в Корнуолле, похоже, дождь идёт практически всегда, – но сейчас распогодилось, и стояла настоящая летняя ночь. Сабина оставила его сидеть на улице, а сама ушла купаться. Её волосы до сих пор были мокрыми, а полы халата ниспадали вниз, до босых ног. Алексу подумалось, что она выглядит куда старше своих пятнадцати лет.

– Принесла тебе колы, – сказала она.

– Спасибо.

Веранда была широкой, с низким балконом, креслом-качалкой и столом. Сабина поставила стаканы на стол и села. Алекс сел рядом. Деревянный каркас кресла-качалки зашкрипел, и они начали медленно раскачиваться, наслаждаясь видом. Довольно долго никто ничего не говорил. А затем...

– Может, всё-таки расскажешь мне правду? – спросила Сабина.

– Ты о чём?

– Я всё думаю об Уимблдоне. Почему ты уехал сразу после четвертьфинала? Ты же работал на центральном корте!

---

³ «Прыжок Брука» (англ.).

А потом...

– Я же тебе уже говорил, – перебил Алекс. Ему было явно не по себе. – Я просто заболел.

– Я слышала другое. Прошёл слух, что ты с кем-то подрался. И вот ещё что. Я видела тебя в плавках. И, хочу сказать, никогда не видела ни у кого столько царапин и ушибов.

– Меня задирают в школе.

– Не верю. Одна моя подружка учится в Брукленде. Говорит, что ты вообще на уроках не бываешь. Постоянно где-то пропадаешь. Только за эти полгода ты два раза исчезал, а когда во второй раз вернулся, в тот же день сгорел целый корпус школы.

Алекс наклонился вперёд, взял стакан с колою и покрутил его между ладонями. В небе виднелись огни самолёта, казавшегося крохотным на фоне бесконечной тьмы.

– Ладно, хорошо, Саб, – сказал он. – Я на самом деле не школьник. Я шпион, маленький Джеймс Бонд. Я беру отгулы в школе, чтобы спасти мир. И я уже дважды его спас. В первый раз – здесь, в Корнуолле, во второй раз – во Франции. Что ты ещё хочешь узнать?

Сабина улыбнулась.

– Ладно, хорошо, Алекс. Каков вопрос, таков ответ.

Она подобрала ноги под себя и плотнее закуталась в халат.

– Но в тебе действительно есть что-то *этакое*. Ты не похож на других мальчиков, которых я знаю.

– Ребята? – позвала их из кухни мама Сабины. – Вам спать

не пора?

Было десять вечера. Они собирались встать в пять, чтобы поймать волну.

– Ещё пять минут! – ответила Сабина.

– Начинаю отсчёт.

Сабина вздохнула.

– Мама всегда такие...

Но Алекс вообще не знал своей матери.

Через двадцать минут, готовясь ко сну, он думал о Сабине Плэжер и её родителей; слегка педантичный отец с длинными седыми волосами и в очках, пухленькая мама, весёлая, как сама Сабина. Их было всего трое. Может быть, именно поэтому они так близки между собой. Они жили на западе Лондона и каждое лето на четыре недели снимали этот домик.

Он выключил свет и лёг в кровать. В его комнате, располагавшейся под самой крышей дома, было всего одно маленькое окошко, и через него виднелась луна, белая, идеально круглая, словно однопенсовая монетка. Родители Сабины с самого приезда обращались с ним так, словно знали всю жизнь. У каждой семьи есть свои порядки, и Алекс удивился, поняв, с какой же лёгкостью приспособился к ним: ходил на долгие прогулки по скалам, помогал с покупками и готовкой, просто проводил с ними время в тишине – читал и смотрел на море.

Почему у него не было такой семьи? Алекс почувствовал, как его охватывает старая, знакомая грусть. Его родители умерли, когда ему не было и нескольких недель. Дядя, который вырастил его и столь многому научил, во многих отношениях остался для него чужим человеком. Братьев и сестёр у него не было. Иногда ему казалось, что он так же одинок, как тот самолёт в небе, который незаметно прорезал ночную черноту.

Алекс глубже уткнулся головой в подушку, злясь на себя. У него были друзья. Он наслаждался жизнью. Ему удалось догнать школьную программу, а сейчас он проводил отличный отпуск. А если ему повезёт, то после Уимблдонского турнира МИ-6 наконец оставит его в покое. Почему тогда он так легко поддавался подобному настроению?

Дверь открылась, и в комнату кто-то вошёл. Это была Сабина. Она наклонилась над ним. Её волосы задели его щёку. Алекс почувствовал едва заметный запах духов: цветы и белый мускус. Она слегка коснулась губами его губ.

– Ты куда симпатичнее, чем Джеймс Бонд, – сказала она. А потом ушла, закрыв за собой дверь.

Пять часов пятнадцать минут утра.

Если бы Алексу нужно было в школу, он бы проснулся часа на два позже, и то потом вылезал бы из постели с большой неохотой. Но сегодня он встал почти мгновенно. Он был очень энергичен и взволнован, и даже сейчас, когда они шли

по пляжу Фистраль под первыми лучами восходящего солнца, чувствовал себя наэлектризованным. Море манило его, дразнило – ну что, не побоишься войти?

– Посмотри на волны! – воскликнула Сабина.

– Большие, – пробормотал Алекс.

– Огромные. Потрясающе!

Да, в самом деле... Алекс пару раз катался на доске для сёрфинга – один раз в Норфолке, один раз с дядей в Калифорнии, – но ничего подобного ещё не видел. На пляже ветра не было. Но по местному радио предупреждали о шквалистых порывах ветра в открытом море и особенно сильном приливе, и возникшие из-за этого волны на самом деле захватывали дух. Они были высотой не меньше десяти футов и накатывались на берег, словно несли на своих плечах вес всего океана. Разбивались они с ужасающим шумом и грохотом. У Алекса колотилось сердце. Он смотрел на движущиеся стены воды – тёмно-синие, с белой пеной. Действительно ли стоит кататься на одном из этих чудовищ на хлипкой доске из стеклопластика?

Сабина заметила его неуверенность.

– Ну, что думаешь? – спросила она.

– Не знаю... – ответил Алекс и понял, что кричит, чтобы его слова можно было хоть как-то расслышать за рёвом волн.

– Волнение слишком сильное!

Сабина была хорошим сёрфером. Вчера утром Алекс ви-

дел, как она ловко маневрировала на опасных риф-брейках⁴ недалеко от берега. Но сейчас даже она смотрела на море с опаской.

– Может быть, пойдём обратно домой спать? – крикнула она.

Алекс окинул взглядом пляж. Там собралось примерно полдюжины сёрферов; вдалеке какой-то человек выводил на мелководье гидроцикл. Младше их с Сабиной здесь никого нет. Как и она, Алекс был одет в трёхмиллиметровый неопреновый гидрокостюм и ботинки, защищавшие от холода. Почему же тогда его бьёт дрожь? Своей доски у Алекса не было, так что он взял напрокат «Оушен-Мэджик» с тремя плавниками. Доска Сабины была шире и толще – не такой скоростной, зато более устойчивой, но Алекс предпочитал модели с тремя плавниками из-за лучшего сцепления с водой и управляемости. А ещё он обрадовался, что взял доску длиной два с половиной метра. Если уж он собирается кататься на таких огромных волнах, поможет каждый лишний сантиметр.

Если...

Алекс до сих пор не решил, стоит ли вообще идти в воду. Волны были вдвое выше его, и он понимал, что одна ошибка может погубить его. Родители Сабины запрещали ей заходить в море, если оно слишком бурное, а сейчас оно выглядело бурным как никогда. Он посмотрел, как разбивается

---

⁴ Риф-брейк – волна, которая образуется вокруг рифа или камней на дне.

о берег очередная волна, и, возможно, отвернулся бы, если бы не услышал крик одного сёрфера, разнёсшийся над песчаным пляжем:

– Криббер!

Не может быть. На пляж Фистраль пожаловал Криббер. Алекс не раз слышал это имя. Криббер – это легенда не только Корнуолла, но и всего сёрферского мира. Первый известный визит этой волны случился в сентябре 1966 года: то была самая сильная волна, когда-либо разбившаяся о берег Англии, высотой больше двадцати футов. С тех пор её иногда видели, но очень немногие, а уж тех, кому удалось на ней проехаться, было ещё меньше.

– Криббер! Криббер! – радостно выкрикивали сёрферы.

Алекс смотрел, как они приплясывают на песке, держа доски над головами. И тут он понял, что пойдёт в воду. Да, он ещё новичок. Да, волны слишком высоки. Но он не простит себе, если упустит такой шанс.

– Я иду! – крикнул он и побежал вперёд, держа доску перед собой.

Хвост доски соединялся с его лодыжкой прочным полиуретановым ремнём. Уголком глаза он увидел, как Сабина взмахнула рукой, желая ему удачи, но к тому моменту он уже добежал до кромки воды и намочил ноги. Он бросил доску на воду и прыгнул на неё; инерция понесла его вперёд. Он лежал на животе, вытянув ноги, и отчаянно грёб руками. Это самая утомительная часть катания. Алекс сосредото-

точился на руках и плечах, остальное тело оставалось неподвижным. Ему предстоял долгий путь, так что нужно было экономить силы.

Он услышал звук, перекрывший шум моря, и увидел, как от берега отходит гидроцикл. Это удивило Алекса. Водные мотоциклы были в Корнуолле большой редкостью, а именно этот мотоцикл Алекс вообще раньше не видел. Обычно на таких гидроциклах сёрферов доставляли на большие волны, но тут водитель отъехал от берега один. Алекс увидел его – в капюшоне и чёрном гидрокостюме. Он что, собирался прокатиться на Криббере прямо на водном мотоцикле?

Алекс быстро забыл об этом. Руки устали, а он ещё не преодолел и полпути. Сложив ладони, он сделал очередной гребок. Другие сёрферы намного опередили его. Он видел гребень волны впереди, метрах в двадцати. Перед ним поднялась целая водная гора, и он пронырнул сквозь неё, почувствовав на губах вкус соли и холодной воды. Устремив взгляд на горизонт, Алекс начал грести вдвое сильнее. Доска для сёрфинга несла его вперёд, словно обрела собственную жизнь.

Алекс остановился, чтобы перевести дыхание. Вокруг вдруг стало очень тихо. Он по-прежнему лежал на животе, поднимаясь и опускаясь на волнах. Оглянувшись на берег, он удивился тому, как же далеко заплыл. Сабина, сидевшая на пляже, казалась маленькой, как песчинка. Ближайший сёрфер был от него метрах в тридцати, слишком далеко,

чтобы успеть помочь, если что-то пойдёт не так. От страха у него похолодело в животе. Не слишком ли он поторопился отплывать один? Но сейчас уже слишком поздно что-то с этим делать.

Он почувствовал её раньше, чем увидел. словно мир решил, что именно сейчас самое время погибнуть, и природа сделала свой последний вздох. Алекс повернулся и увидел волну. Криббер надвигался. Он нёсся прямо на него. Даже если Алекс и передумает, ничего не поделаешь.

Несколько мгновений Алекс лишь в изумлении таращился на вздымающуюся, изгибающуюся, грохочущую волну. Больше всего она напоминала четырёхэтажный дом, который вдруг решил вылезти из земли и прыгнуть на улицу. Этот «дом» полностью состоял из воды, но вода была живой. Алекс чувствовал её невероятную силу. Волна, внезапная и потрясающая, поднялась перед ним; она всё поднималась и поднималась, пока не закрыла собою всё небо.

Алекс действовал почти машинально, на инстинктах, усвоенных давным-давно, во время обучения. Он схватился за край доски и развернулся лицом к берегу, а потом заставил себя ждать до последней секунды. Двинешься слишком поздно, и всё пропустишь. Двинешься слишком рано, и тебя просто раздавит. Его мышцы напряглись, зубы стучали, а сквозь всё тело, казалось, шёл электрический ток.

Сейчас!

Началась самая сложная часть, набор движений, которые

труднее всего выучить, но потом невозможно забыть. Пришло время вставать на ноги. Алекс почувствовал, как доску понесло волной. Он упёрся ладонями в доску, выгнул спину и оттолкнулся, потом выставил вперёд правую ногу. Стойка «гуфи» – точно так же он катался и на сноуборде. Но на самом деле Алексу было вообще всё равно. Главное – устоять и не потерять равновесие, и сейчас он уравновесил две основные действующие на него силы, скорость и гравитацию, пока доска прорезала волну по диагонали.

Он выпрямился в самом центре доски, раскинул руки в стороны и улыбнулся во весь рот. У него получилось! Он прокатился на Криббере! Его охватила бурная радость. Алекс чувствовал мощь волны. Он превратился в её часть. Он словно растворился в мире, и хотя сейчас летел вперёд на скорости шестьдесят, а может быть, и семьдесят километров в час, время для него остановилось, и он застыл в том единственном идеальном моменте, который запомнится ему на всю жизнь. Алекс издал громкий, звериный вопль, который даже не услышал за шумом моря. В лицо били солёные капли. Он едва чувствовал доску под ногами. Алекс летел. Он никогда ещё не чувствовал себя таким живым.

А потом рёв волн вдруг перебил другой звук, быстро приближавшийся – визг бензинового двигателя. Услышать хоть какой-то механический звук здесь казалось настолько невероятным, что Алекс в первый момент решил, что это ему просто кажется. А потом вспомнил о гидроцикле. Должно

быть, он вышел в море, а потом, переждав волны, развернулся. И теперь быстро приближался.

Сначала Алекс подумал, что водитель гидроцикла решил его дропнуть⁵, нарушив один из главных неписаных законов сёрфинга. Алекс уже поднялся на гребень. Это его волна. Гидроцикл не имел никакого права лезть перед ним. Но Алекс быстро понял, что эта мысль просто безумная. На пляже Фистраль почти никого не было. Бороться за пространство просто не нужно. Да и вообще, гидроцикл, который лезет перед сёрфером, – это что-то неслыханное.

Шум мотора усилился. Алекс не видел гидроцикла. Он был полностью сосредоточен на Криббере, на том, чтобы удержать равновесие, так что не решался обернуться. Он вдруг осознал, что под ним находятся тысячи галлонов бешено несущейся вперёд воды. Если он упадёт, то умрёт – потоки воды разорвут его на части даже раньше, чем он успеет утонуть. Что вообще творит этот водный мотоцикл? Почему он подъехал так близко?

Алекс внезапно, но совершенно чётко осознал, что ему грозит опасность. Происходящее явно никак не связано ни с Корнуоллом, ни с его сёрферскими каникулами. Его снова настигла другая жизнь – та, что он вёл с МИ-6. Он вспомнил, как за ним гнались по горному склону в «Пойнт-Блан», и понял, что всё снова повторяется. Кто за ним гонится и по-

---

⁵ Здесь – сёрферский термин: влезть на волну впереди сёрфера, имеющего приоритет.

чему, неважно. У него есть лишь несколько секунд до столкновения с гидроциклом.

Алекс быстро мотнул головой туда-сюда и на мгновение увидел его. Чёрный нос, похожий на торпеду. Блестящий хром и стекло. Человек, низко склонившийся над рулём, не сводил глаз с Алекса, и эти глаза были полны ненависти. До него оставался всего метр.

Алекс мог сделать только одно – и он сделал это мгновенно, даже не задумываясь. Прыжок на доске для сёрфинга требует идеального расчёта времени и полной уверенности в себе. Алекс извернулся и подпрыгнул на гребне волны; одновременно он присел и схватился за обе стороны доски. Теперь он на самом деле летел, парил в воздухе чуть выше волны. Гидроцикл пронёсся мимо, прямо по тому месту, где он стоял секунду назад. Алекс развернулся, описав в воздухе почти полный круг. В последний момент он вспомнил, что нужно поставить ногу в центр доски, чтобы она приняла на себя весь его вес целиком.

Волна неслась навстречу. Алекс завершил оборот и опустился обратно на гребень. Приземление вышло идеальным. Вода шла брызгами вокруг него, но Алексу удалось сохранить вертикальное положение, и теперь он стоял на волне позади гидроцикла. Водитель обернулся, и Алекс увидел его изумлённое лицо. Ещё один китаец. И, что казалось совсем уж невозможным, невероятным, он держал в руке пистолет! Алекс увидел, как он медленно поднимает оружие; по дулу

стекала вода. На этот раз бежать было некуда. Сил на ещё один прыжок у него не осталось. С громким криком он прыгнул с доски прямо на гидроцикл. Ремень больно дёрнул его за ногу – вода, вдруг превратившаяся в коварного врага, чуть не сорвала доску с крепления.

Послышался грохот – водитель гидроцикла выстрелил, но промахнулся. Алексу показалось, что пуля просвистела над самым его плечом. В то же мгновение он схватил китайца за горло. Его колени врезались в борт водного мотоцикла. А потом весь мир закружился перед глазами – гидроцикл потерял управление и завертелся в водяной воронке. Ремень снова дёрнул Алекса за ногу, затем оторвался. Послышался крик, и водитель гидроцикла исчез. Алекс остался один. Он не мог дышать. Вода нахлынула на него и потащила за собой. Сопротивляться было невозможно – ни руки, ни ноги не двигались. У него не осталось сил. Алекс открыл рот, чтобы закричать, и он тут же наполнился водой.

Затем его плечо врезалось во что-то твёрдое, и Алекс понял, что это дно моря. И дно станет его могилой. Он решил бросить вызов Крибберу, и Криббер за это его наказал. Сверху на него налетела ещё одна волна, но Алекс уже её не видел. Он лежал неподвижно, наконец-то обретая покой.

Две недели на солнце

Алекс даже не знал, чему удивляться больше – тому, что он ещё жив, или тому, что он снова оказался в лондонской штаб-квартире отдела специальных операций МИ-6.

До сих пор дышал он лишь благодаря Сабине. Она сидела на пляже и восторженно смотрела, как он приближается к ней на гребне Криббера. Гидроцикл она заметила даже раньше его и сразу инстинктивно поняла, что здесь что-то не так. Она бросилась бежать в тот самый момент, когда Алекс подпрыгнул, а когда он врезался в гидроцикл и исчез под водой, его подруга уже нырнула в море. Позже она всем рассказывала, что это было столкновение... ужасный несчастный случай. С такого расстояния понять, что на самом деле произошло, было невозможно.

Сабина отлично плавала, и удача тоже оказалась на её стороне. Хотя вода была ещё мутной, а на берег налетали всё новые волны, она точно знала, где именно ушёл под воду Алекс, и добралась туда меньше чем за минуту. Нырнув в третий раз, она нашла его бездыханное тело, вынырнула с ним на поверхность и вытащила на берег. В школе она научилась делать искусственное дыхание «рот-в-рот», и эти познания ейгодились – она прижала свои губы к его губам, вдувая воздух в лёгкие. Даже тогда она была уверена, что Алекс уже мёртв. Он не дышал. Его глаза были закрыты. Сабина стук-

нула ему по груди – один раз, два, – и наградой ей стал внезапный спазм и приступ кашля: Алекс пришёл в себя. К тому времени к ним подоспели и другие сёрферы. У одного из них был с собой мобильный телефон, и он вызвал «Скорую помощь». Человека, сидевшего за рулём гидроцикла, так и не нашли.

Алексу тоже повезло. Криббер приближался к конечной точке своего путешествия, и у берега волна уже серьёзно ослабла. На него обрушилась целая тонна воды, но упав он пятью секундами ранее, вместо одной тонны его ждали бы целых десять. А ещё Сабине не пришлось отплывать слишком далеко от берега. Упав он немного дальше, она ни за что бы его не нашла.

С тех пор прошло пять дней.

Был понедельник, началась новая неделя. Алекс сидел в кабинете 1605, на шестнадцатом этаже ничем не примечательного здания на Ливерпуль-стрит. Он поклялся, что никогда туда не вернётся. Меньше всего на свете ему хотелось видеть мужчину и женщину, которые прямо сейчас находились с ним в комнате. Тем не менее он был там и видел их. Его затащили сюда легко, как рыбу в сети.

Как и обычно, Алан Блант с виду был не слишком рад его видеть – он внимательно разглядывал содержимое лежавшей перед ним на столе папки, а вот на мальчика даже не взглянул. Алекс встречался с главой этого отдела МИ-6 уже в пятый или шестой раз, но до сих пор ничего толком о нём не

знал. Бланту было лет пятьдесят, и он выглядел как любой другой пятидесятилетний офисный работник в деловом костюме. На его рабочем столе не было ни одной фотографии, вообще ничего, что могло бы помочь как-то его охарактеризовать. Женат ли он? Есть ли у него дети? Как он проводит выходные: гуляет в парке, рыбачит, смотрит футбол? Впрочем, в последнем Алекс сомневался. Он всерьёз задумывался, есть ли у Бланта вообще хоть какая-то жизнь за пределами этих четырёх стен. Он был человеком, полностью выражавшим себя через работу. Вся его жизнь была посвящена тайнам, и в конце концов она сама тоже превратилась в секрет.

Он поднял взгляд от аккуратно распечатанного доклада.

– Кроули не имел права вмешивать тебя в это дело, – сказал он.

Алекс ничего не ответил. В кои-то веки он готов был согласиться с Блантом.

– Уимблдонский теннисный турнир... Ты едва не погиб! – Он озадаченно посмотрел на Алекса. – И это происшествие в Корнуолле... Мне не нравится, когда мои агенты занимаются опасными видами спорта.

– Я не ваш агент, – ответил Алекс.

– Работа и без того достаточно опасна – зачем ещё сильнее рисковать? – продолжил Блант, пропустив его слова мимо ушей, затем спросил: – Что произошло с тем человеком на гидроцикле?

– Наши люди сейчас его допрашивают, – ответила миссис Джонс.

Заместительница главы отдела спецопераций была одета в серый брючный костюм, а в руках держала чёрную кожаную сумочку, подходившую по цвету к глазам. К лацкану пиджака была приколата серебряная брошка в виде кинжала. Очень уместное украшение.

Она первой навестила Алекса в больнице в Ньюки – и, по крайней мере, искренне беспокоилась из-за того, что произошло. Конечно же, особых эмоций она не демонстрировала. Если бы кто-то у неё об этом спросил, то она ответила бы, что просто не хочет потерять агента, который уже принёс немало пользы и может снова быть полезен. Но Алекс подозревал, что дело далеко не только в этом. Она взрослая женщина, а ему четырнадцать лет. Если бы у миссис Джонс был сын, он мог бы быть ровесником Алекса. Это многое меняло – и она не могла просто игнорировать это обстоятельство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.